

Спасский след Ленина

Вид на Волгу с балкона усадьбы Молостовых

90 лет назад скончался организатор Октябрьской революции в России Владимир Ильич Ленин. Его биография, казалось бы, расписана в мельчайших подробностях, особенно периоды жизни в Симбирске и Казани. Но и находящийся между ними Спасский уезд Казанской губернии, оказывается, имеет свою ленинскую. В полном собрании сочинений Ленина есть упоминания о Спасске и селе Бездна. А среди старожилов ещё в 1990-х годах было живо предание о том, как местная помещица Елизавета Молостова перевозила прячущегося от царской охранки Ульянова-Ленина на лодке из села Болгары на правый берег Волги...

Проездом по Чертыку

Володя Ульянов десятки раз бывал в Спасском уезде Казанской губернии. Семья Ульяновых с 1870-го по 1885 год почти каждое лето отдыхала в селе Кокушкино Лайшевского уезда в имении Александра Бланка, дедушки будущего вождя. Из Симбирска до Казани и обратно добирались на пароходах компании «Кавказ и Меркурий» по протоке Чертык, с остановками в посёлке Спасский Затон и на пристани Переволоки Спасского уезда. В этих поездках, по воспоминаниям родственников, юный Володя часто сидел на палубе и любовался окрестностями, так что вполне мог наблюдать и древние башни в Болгарах, и Троицкую церковь в Ново-Мордово, и судостроительные верфи Спасского Затона. Через те же пристани он проезжал и после того как покинул Симбирск: в 1887, 1889, 1890, 1891 и 1893 годах.

А ещё существует предание, что Ленин был в Спасском уезде и позже, когда

находился под негласным надзором полиции. В казанском журнале «Эхо веков» (№ 2, 2009) историк Светлана Фролова пишет о том, как в 1991 году она встретила в селе Бугровка Спасского района местного старожила П.Д. Ишметьева, который поведал историю о хижке деревни Долгая Поляна (недалеко от г. Тетюши) Е.В. Молостовой. «В Долгой Поляне, – рассказывал Пётр Дмитриевич, – Молостовы построили красивый дом с башенкой, для того чтобы видеть огни из дома родственников

Усадьба Молостовых. Долгая Поляна

в селе Три Озера, неподалёку от Болгар... Однажды Елизавета Владимировна, узнав о побеге Ленина, на лодке лично переправила его из Болгар в Долгую Поляну и прятала в своей усадьбе. Именно за этот поступок она после большевистского переворота получила от советского правительства охранную грамоту и не была репрессирована». Сам Ишметьев родился лишь в 1918 году и слышал эту историю от местного крестьянина-очевидца, который будто бы видел в имении Молостовой невысокого, лысого человека с усами и бородкой...

Помощь Молостовой

В многочисленных биографиях Ленина этот факт не отражён. Но случай такой вполне мог произойти в 1900 году, когда Владимир Ульянов со своей женой Надеждой Крупской возвращался из сибирской ссылки, проходившей в селе Шушенское. Крупская до окончания своей ссылки осталась в Уфе, а Ленину хотелось встретиться с единомышленниками в центре России. Но ему запрещено было останавливаться в крупных городах. В феврале он добрался до Пскова, затем жил в Подольске, а в июне нелегально вернулся в Уфу. В первой половине июля 1900 года Ленин вновь отправился в путь – на этот раз в Самару и Сызрань. Ехать открыто по железной дороге было опасно. Ленин мог выбрать другой, водный маршрут: на пароходе «Уфа–Казань» доплыть до Лайшева, переправиться через Каму в Спасский уезд, где его на конном экипаже встретила Е. Молостова, и в районе села Болгары уже на лодке переплыть через Волгу в Долгую Поляну, после чего из Тетюш доплыть до Самары.

Возникает вопрос, а причём тут Молостова (в девичестве Бер)? В 1889 году Елизавета Владимировна училась в Санкт-Петербурге на Бестужевских высших женских курсах вместе с Надеждой Крупской. А в 1899-м вышла замуж за Владимира Германовича Молостова, став хозяйкой поместья Долгая Поляна. Они вполне могли переписываться с Крупской и договориться о такой негласной услуге. По некоторым сведениям, позже, когда Ленин и Крупская находились в эмиграции, Елизавета Молостова посыпала им деньги и книги. После революции и в годы Гражданской войны её усадьбу пытались разграбить и сжечь местные активисты. Но в 1918-м решением Народного комисариата просвещения поместье было взято под охрану с мотивировкой,

что здесь находится «весьма ценное в культурном отношении хозяйство и усадьба», «библиотека и этнографический архив по исследованию уральских сектантов». По одной версии, это было сделано по прямому указанию Ленина за ту самую услугу, по другой – за то, что Молостнова во время войны помогла продовольствием и фуражом 1-й Конной армии Будённого. Ей выдали охранную грамоту «за особые заслуги перед революцией», а нарком А. Луначарский в телеграмме дал указание местным властям прекратить изъятие книг у Молостновой.

Упоминания о Спасском уезде есть и в собрании сочинений Ленина. В работе «Память Герцена» в 1912 году он процитировал слова Герцена из газеты «Колокол» о волнениях 12 апреля 1861 года, «когда перебили 50 крестьян в Бездне и казнили их вожака Антона Петрова». А в апреле 1919-го, когда армия А. Колчака захватила Чистополь и рвалась к Волге, Ленин дал указание Э. Склянскому (заместителю Л. Троцкого) о необходимости «посылки шифрованной телеграммы относительно срочной эвакуации волжских судов, находящихся в Спасском Затоне, в связи с угрозой продвижения Колчака к Спасску».

Одноклассник вождя

Связан со Спасском и одноклассник Владимира Ульянова – Михаил Кузнецov. К политике он был равнодушен с юношеских лет, и не случайно ещё в 1887 году при выпуске из Симбирской классической гимназии её директор Фёдор Керенский отмечал в характеристике: «С уверенностью можно сказать, что никакие социальные вопросы не интересовали Кузнецова, понятия которого не выходили из круга его прямых учебных занятий». Всё было так же и в 1917 году: он добросовестно преподавал в Канашском педагогическом техникуме, а к осени переехал в уездный город Спасск Казанской губернии, где в педтехникуме получил должность заведующего учебной частью. Конечно, рассказывал знакомым о том, что глава Временного правительства России Александр Керенский – его земляк и сын того самого директора гимназии. Но когда из эмиграции вернулся Ленин и прорвался на вершину российской власти, Кузнецов, по-видимому, был потрясён, узнав в нём того самого Бовку Ульянова, с которым они когда-то в детстве играли в бабки...

Обстоятельство личного знакомства с главой российского правительства

неожиданно и резко изменило жизнь Михаила Фёдоровича. Скромный завуч, в течение всей своей педагогической службы занимавшийся разработкой методических способов и приёмов преподавания, звёзд с неба не хватавший, вдруг стал объектом внимания окружающих. Пришлось напрягать память и вспоминать события 30–40-летней давности. Его слушателями были сослуживцы, знакомые, ученики. Уже в мае 1919 года его попросили всё подробно изложить на бумаге. В дни революционных праздников Кузнецова приглашали на трибуну поделиться личными впечатлениями о детстве вождя мирового пролетариата. Его слова цитировала местная газета «Крестьянин». Особенно частыми стали встречи с людьми и воспоминания после смерти Ленина в январе 1924-го. В том же году Михаил Фёдорович вновь подробно описал «для истории» гимназический период своей жизни в Симбирске. Все эти годы его не покидала мысль напомнить как-то Ленину о себе, хотелось доброго слова и поддержки со стороны великого одноклассника. Когда в стране начался голод, он воспользовался этим знакомством: «В 1921 году в письме своём я обращался к Владимиру Ильичу с просьбой о назначении мне индивидуального пайка, который я и получал в голодающем году. По распоряжению В.И. Ленина мне было предоставлено право выбора работы и местожительства».

Любимый товарищ

При поступлении в первый класс Симбирской классической гимназии в 1879 году Ульянову было 9 лет, Кузнецову – 11. Но это, по воспоминаниям Михаила Фёдоровича, не мешало им дружить: «В низших классах и двух высших – седьмом и восьмом – я сидел с ним за одной партой. Мы жили тогда на одной улице». О вождях уже не принято было говорить плохо, поэтому Володя Ульянов в воспоминаниях Кузнецова «был самым развитым и начитанным», «воспитывался в высококультурной семье», «выделялся своей аккуратностью, «сидел спокойно, внимательно слушал, сосредоточенно и вдумчиво писал», был «твёрдый и уравновешенный, с блестящими способностями», «подавал пример исключительной работоспособности, отличной успеваемости, скромности и замечательной культурности, дисциплинированности». Даже на экзаменах он был не как другие. «Все мы ужасно волновались. Только Владимир Ульянов,

сидя за отдельным столом, спокойно и неторопливо писал экзаменационные работы», – вспоминал Кузнецов. А когда Михаил Фёдорович рассказывал, как они вместе с Володей играли во дворе в лапту и бабки, то тут же оговаривался: «Но выигрыша он никогда не брал с собой».

В 1925 году Кузнецов вернулся в город детства – уже в Ульяновск. Работал два года заведующим 6-й школой, затем заболел брюшным тифом и ушёл на пенсию. В ленинские дни продолжал выступать на митингах и собраниях, публиковал воспоминания в газетах, опровергал при этом выступления других знакомых Ленина. К примеру, Д. Андреев опубликовал в журнале «Звезда», что В. Ульянов посещал пансион при Симбирской гимназии. Кузнецов же утверждал, что «Владимир Ульянов... в пансион не ходил, в пёрышки не играл и с Д. Андреевым не гулял». Жизнь у Михаила Фёдоровича, видимо, была в те годы нелёгкой, и он написал письмо в Москву сёстрам Ленина – Марии и Анне: «В настоящий момент пенсии в размере 55 рублей в месяц для меня недостаточно, так как хлебный пай мой очень мал – 200 грамм на день, а покупать продукты с рынка стоит дорого... Обращаюсь к вам с просьбой об увеличении, если возможно, получающей мною пенсии до 100 рублей в месяц... Не окажется ли возможным перевести меня на получение персональной пенсии как Героя труда на основании постановления Спасского отдела профсоюза рабпроса».

Спустя 5 лет он написал и вдове Ленина: «Прошу Вас исходатайствовать мне персональную пенсию, так как получаемая мною сейчас пенсия за выслугу лет 106 рублей в месяц является далеко не достаточной для моего существования, что может подтвердить Вам посетившая меня известная советская писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян». Крупская же, больше других переживавшая факты иконизации Ленина, в 1932 году сказала о его воспоминаниях так: «Работа М.Ф. Кузнецова очень подогнана под текущий момент». Спасскому педучилищу к тому времени было присвоено имя Н.К. Крупской. В 1942-м Михаил Фёдорович скончался. Некролог в местной газете подписал родной брат Ленина – Дмитрий Ильич Ульянов, эвакуированный из Москвы в Ульяновск во время войны. Родственники «любимого товарища» не оставили Кузнецова и в последний час.

Николай Марянин